

26.89/235,54)
714

Николай ПАЛЬКИН

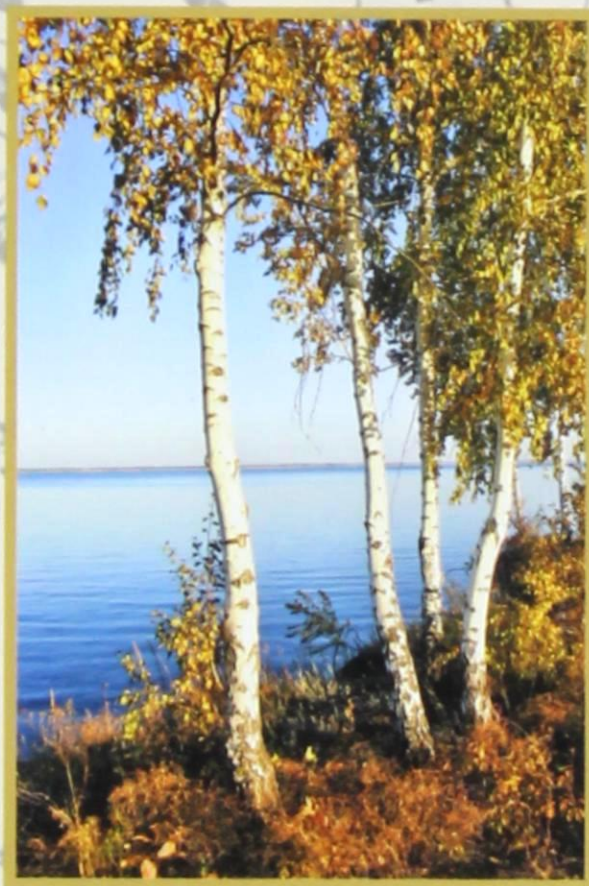
*Отразилась в Волге
вся Россия*

ББК 26.89(235.54)

П - 14

**Книга издана при поддержке губернатора Саратовской области
Павла Леонидовича Ипатова**

Палькин Н.Е.

Отразилась в Волге вся Россия. — Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2012.
— 240 с.

ISBN 978-5-91369-017-3

**В новую книгу, подготовленную к 85-летию автора,
вошли размышления, зарисовки, путевые заметки,
посвящённые великой русской реке.**

Фотоиллюстрации А. Мирошниченко
Художник-дизайнер А. Кузнецов

ISBN 978-5-91369-017-3

© ООО «Приволжское издательство», 2012 г.
© Кузнецов А.Ю., оформление, 2012 г.
© Мирошниченко А.Ф., 2012 г.

05

26.89/235.54)
114

Николай Палькин

Отразилась в Волге вся Россия

121142 - 2

МБУК «Межпоселенческая
центральная библиотека
Лаковского муниципальн
района»

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

Саратов
ООО «Приволжское издательство»
2012

С любовью

Природа —

гениальный художник.

Река Волга, несомненно, одно из её выдающихся произведений.

3700 километров красоты и очарования.

Вряд ли найдётся человек, который был бы равнодушен к красоте великой реки, её истории, судьбе.

Волга волнует, как сама Россия.

Чувства к ней,

желание объясниться в любви с годами так переполняли меня, что я решил попытаться вложить все это в стихи.

В итоге появилась «Поэма о Волге».

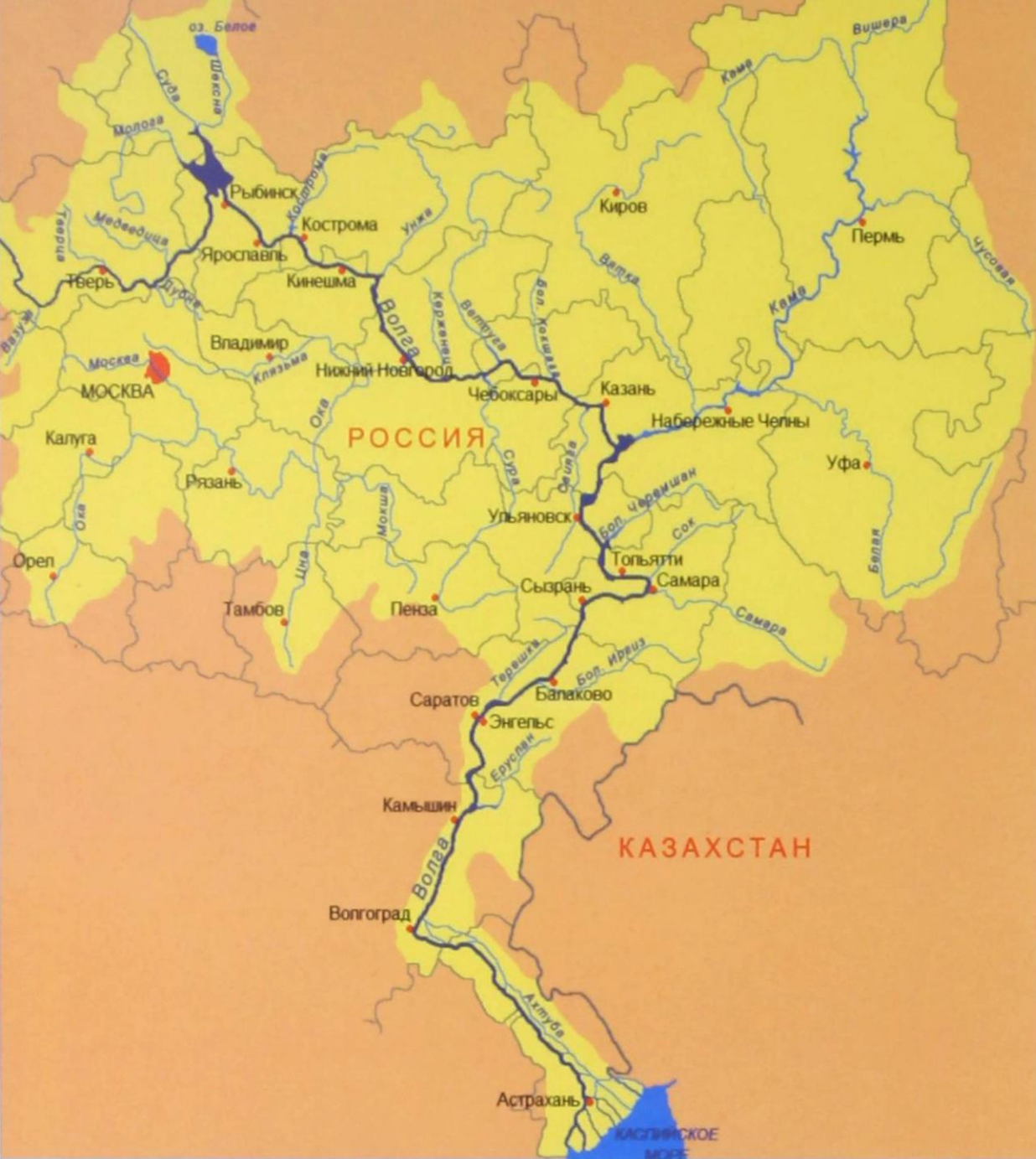
Однако в поэме

сказалось далеко не всё.

Скорее, это были подступы к великой теме, и я решаюсь на новый шаг,

сознавая всю ответственность такого решения.

Судьба и века

Жизни не хватит, чтобы на-смотреться на волжскую красоту, зелёные берега, тихие плесы, так бы и любовался ею и на рассвете, и при высоком солнышке, и по ночам, когда в воду опрокидывается звёздное небо с его глубоким мерцанием, грозным и таинственным, как сама вечность.

...Не сказать, когда пробился из-под земли крохотный родничок, огляделся, улыбнулся красному солнышку и прозрачным, журчащим ручейком побежал куда глаза глядят. Увидел камень — повернул налево, заметил сосну — повернул направо, встретилась гора — опоясал её подковой. В одном месте обнялся ручей со своим братом и стал вдвое сильнее и побежал расторопней. В другом месте присоединился к ним ещё один ручей, потом ещё и ещё. И вот уже не ручей, а целая речка потекла с Валдайской возвышенности всё ниже и ниже, всё дальше и дальше. А вот в неё, главную речку, впадают новые и новые, да такие сильные, как Сура, Ветлуга и Керженец, такие раздольные, как Ока и Кама.

*Где леском зелёным, где по полю,
Где, как в песне старой, вдоль села
Пробежала, вырвалась на волю
И по вольной воле потекла.*

*Скатываясь с древнего Валдая,
Через Нижний прямо на Увек,
Все спешит, спешит, в себя вбирая
По пути семь тысяч разных рек.*

Не только лодки, пароходы понесла она на себе, плоты потянула, в больших городах мосты через себя перекинула, и вот летит она через всю Россию, и кто ни подойдёт к ней, кто ни притронется, все зовут нежно и ласково: Волга!

Никто не знает, когда впервые к Волге подошёл человек. Известно только, что в древности её называли «Ра» — что означает «щедрая». В средние века арабы нежно именовали ее «Итиль», то есть «река рек». Арабский географ X века

Ибн-Хаукаль писал о ней как о «реке русов», русской реке.

Может быть, правы специалисты, утверждающие, что название «Волга» финского происхождения и означает «светлая», «священная», но для нас, да и для других народов, Волга — исконно русское название, вобравшее в себя столь много, что его с полным правом можно поставить в ряд с другим святым словом — Россия. Русскому сердцу слышится в нём и Вольга — имя былинного богатыря, и слово «воля», выражающее заветное стремление нашего народа к свету, братству и единению.

Я полюбил Волгу ещё задолго до того, как увидел впервые. Полюбил прежде всего по песням. О её раздолье поведала припевка: «Если Волга разольётся, трудно Волгу переплыть». О берегах рассказала старая протяжная песня «Меж крутых бережков»; о тоскующей душе Стеньки Разина — «Есть на Волге утёс», а о всенародной любви к Волге — другая песня, сложенная в наши дни: «Красавица народная, как море, полноводная, как Родина, свободная, широка, глубока, сильна».

Когда в 1947 году, двадцати лет от роду, я впервые попал в Саратов, Волга ослепила меня своим июльским сиянием. Я даже не сразу рассмотрел пароход на стрежне и медлительные плоты, растянувшиеся едва ли не на версту. С годами,

присмотревшись, я научился видеть не только песчинки на речном дне, не только растения, колеблемые течением, я научился видеть в реке отражённые струи Стеньки Разина, высокую сутуловатую фигуру Максима Горького, гимназическую курточку Володи Ульянова, потом виделся мне бушующий в огне и дыму Мамаев курган.

Волга не просто река, не просто вода, не просто водный путь. Волга — путь исторический, где сходятся прошлое и настоящее русского

народа и всех народов, населяющих волжские берега: удмуртов и марийцев, татар и чувашей, мордвинов и калмыков, где сплетаются воедино старое и новое, великое и вечное.

Волга — исключительное явление природы, связавшее воедино разные географические зоны: лесное Нечерноземье, степное Саратовское Заволжье, полупустыни Астраханского низовья.

Волга — уникальный экономический потенциал, вобравший в себя заводы и фабрики, могучие гидростанции, старые и новые города, первоклассный речной флот, крупные агропромышленные объединения.

Волга — широкая дорога российской государственности, над которой шумели эпохи княжеских междоусобиц и феодальной разобщенности, борьбы с иноземными захватчиками и объединения волжских земель под эгидой русского царя. Всё перевидела Волга, всё пережила, всё перечувствовала.

Волга, наконец, а может быть, в первую очередь — это люди, живущие на её берегах. Всё наиболее сильное, здоровое, талантливое всегда стремилось к ней. И Волга никогда зря не разбрасывалась. Она укрепляла патриотический дух достойных сыновей и поднимала могучие таланты на служение всей России. С её берегов и с её благословения в нашу историю, в

наш день, в наши сердца шагнули предводители волжской вольницы Разин и Пугачёв. Ей обязаны глубиной проникновения в суть народных явлений Радищев, Карамзин, Чернышевский, Добролюбов, Островский, Некрасов, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Алексей Толстой, Горький, Федин. Не у неё ли занимали силы для своих добрых дел математик Лобачевский, «учитель русских учителей» Ушинский, изобретатель «русского света» Яблочков, биолог Вавилов?

А сколько с Волгой связано имён полководцев, певцов, художников, музыкантов, политических деятелей! Пожарский, Шаляпин, Репин, Саврасов, Левитан, Ляпунов, Куйбышев, Чапаев, Панфилов, Клочков-Диев, Русланова, Петров-Водкин...

Чем конкретнее становились мои представления о Волге, тем сильнее хотелось запечатлеть их в слове. Это и привело меня к поэме. Однако поэма, как сказочная птица, долго не давалась в руки. Не хватало порыва, импульса, толчка. Немота камнем лежала на душе.

*Не хватало этого истока,
Где теперь растроганный стою,
Не хватало этого восторга,
Что реке великой отдаю...*

*К твоему истоку шёл я долго
По годам, по песням, по судьбе.
Дай мне силы, дорогая Волга,
Чтобы мог пропеть я о тебе.*

*И пойду вослед я за тобою
С доброй мыслью от холма к холму.
Чтоб дорожной не болеть тоскою,
Я с собой читателя возьму.*

*Собирайся, друг мой!
Путь наш длинный -
Через плёсы чуткой тишины,
Через горы, степи и долины,
Через всю историю страны.*

*Собирайся, если духом молод,
С доброй мыслью от холма к холму.
Ты увидишь Ярославль-город
И услышишь чудо-Кострому.*

*Впереди рассветы и закаты.
Выходи со мною и не трусь.
Заведу тебя в родной Саратов,
Самым сокровенным поделюсь.*

*Наши думы в светлое одеты,
И давай перед большим путём,
Как, бывало, прадеды и деды,
По глотку из Волги отопьём,*

*Чтоб в душе удваивалась сила
И восторг не утихал в груди,
Чтоб вода всё мелочное смыла,
А не то не будет нам пути.*

*Волга, Волга, Я иду!
За это
Беспокойства дай мне и любви,
Вдохнови на новый труд поэта
И в далёкий путь благослови.*

Упомянув про «всю историю страны», я тут же понял, что это сказано слишком сильно. Однако, как бы там ни было, значительную часть волжской истории нам удастся перелистать. Ведь путь наш и в самом деле не близкий — почти 3700 километров от истока до устья. Да ещё каких километров!

Разумеется, одному человеку не под силу создать книгу о Волге. Волга неисчерпаема в прямом и переносном смысле. Даже много-томная волжская энциклопедия, будь она создана, не вобрала бы в себя всего богатства географических, археологических, этнических, исторических, эстетических, художественных и иных представлений о великой русской реке, именуемой в народе то Волгой-матушкой, то главной улицей России.

Моя книга — не путеводитель. Эта книга — прикосновение к великой теме, которая в будущем, я не сомневаюсь, найдет своё новое отражение в трудах новых авторов.

Книга моя о Волге — лишь капля в Волге. Но пусть она будет, эта капля.

*И не только берега крутые,
И не только тучи-облака,
В Волге, словно в зеркале России,
Отразились судьбы и века.*

Над колыбелью

Знакомый поэт пообещал мне показать исток Волги и, когда я приехал к нему в гости, повёз меня вдоль озера Селигер к тому святому месту, где начинается наша великая русская река. В деревне Свапуще машину пришлось оставить. Дорога дальше оказалась непроезжей. Прошёл дождь, и нам ничего не оставалось, как разуться, закатать выше колен штаны и босиком по мокрой, скользкой глинистой дороге шлёпать вёрст восемь по лесу. Какая это была дивная прогулка! Надо непременно своими глазами увидеть эти крепкие, устремлённые в небо сосны и ели, эти валуны, оставленные великим ледником, эти озёра, прозрачные и чистые, как лесной дождь, чтобы понять, что собой представляет родина Волги.

Перед тем как отправиться в путь, я всё же кое-что разузнал о волжском истоке из книг, которые удалось достать. Путешественники Лепешинская и Добрынин в книге «Волга», изданной в Москве в 1911 году, называют обстановку, где родилась могучая река, непри-

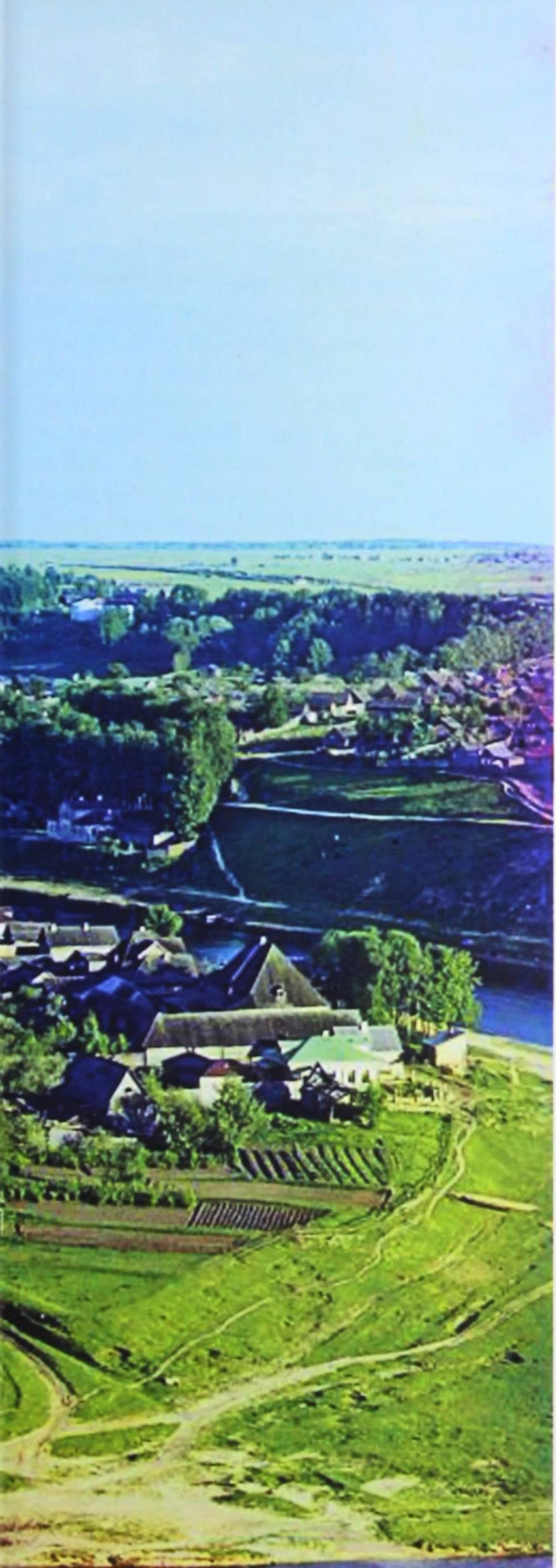
ветливой и убогой. «Перед нами, — повествовали они, — зыбкое болото, сплошь затянутое мхами, осокой, белокопытником. Просвечивающие кое-где «окна» отражают пасмурное небо. Печальные одинокия ели над болотом, а кругом, насколько глаз хватит, мхи да трясины без конца». В другой книге, появившейся на свет ещё ранее, в 1893 году, член Тверской учёной архивной комиссии сообщал, что болотистая местность вокруг истока Волги сплошь покрыта дремучими лесами, «в которых ещё и теперь царят медведи».

Мы, разумеется, никаких медведей не встретили, да и местность, хотя и осталась болотистой, не показалась нам ни убогой, ни неприветливой. Печаль пасмурного неба в этот день как бы растворилась в радости нашего свидания с новорожденной, а безлюдная грусть деревенской улицы раскололась под напором крепких молодых голосов. Впереди нас к истоку спешили две девушки и двое парней в джинсах. Один из них нёс в руке транзистор. Ещё в лесу мы слышали, как молодёжь весело переговаривалась. Теперь же в их голосах звучал неподдельный восторг, видимо, от мысли, что вот они, счастливицы, сейчас увидят то, к чему, может быть, уже давно стремились.

— Да вон же она, вон! — вскрикнула девушка в красном свитере и побежала с горки к тому месту, где виднелась бревенчатая в два окна

избушка. За своей спутницей бросились и остальные. А вскоре и мы по деревянному настилу прошли прямо в светёлку к роднику, взятому в бетонное кольцо и похожему скорее на современный колодец, чем на древний родник. Из колодца по бетонному жёлобу на уровне пола вытекала волжская вода и, вырываясь на белый свет, спешила в далёкую даль.

Какая-то добрая душа прикрепил цепочкой к колодцу железную кружку. Бери, путник, черпай и пей! И я взял, и зачерпнул, и выпил. Что это была за вода! Живительная, свежая, прохладная! Не такой ли водой в сказках воскрешали из мёртвых? Кажется, во мне сразу стали прибывать силы. Я увидел всю Волгу от этого скромного лесного родничка до седого размашистого Каспия. Вместе с возгласом тихого восторга с моих уст слетели те самые строки, которые стали началом поэмы.

*Вот отсюда, именно отсюда,
Из глубин лесного родника,
Выбегает голубое чудо —
Русская великая река.*

*Лёгкий дом, как девичья светёлка.
Вяз, ольшаник, сумрачная ель.
Стойте, люди!
Здесь родилась Волга,
Здесь её и дом и колыбель.*

Да, именно здесь, на Тверской земле у деревни Волгино Верховье в Осташковском районе Калининской (ныне Тверской) области, родина нашей красавицы. Чьи-то заботливые руки (говорят, что это были руки монахов, живших в местном монастыре) поставили над родником часовенку. Кажется, она была всегда. Но это только кажется. Временами часовенка исчезала, потом возрождалась вновь. Монахи по какой-то причине переселились в иные места, монастырь опустел, осиротела и часовенка. Петр Первый, озабоченный поиском водных путей между Петербургом и Москвой, приказал бередь заброшенный монастырь, но тот вскоре сгорел. У истока осталась лишь деревня Волгино Верховье, пережившая на своем веку всё, что послала ей судьба.

Когда в войну фашисты уничтожали всё на своем пути, они спалили часовенку над истоком. И первое, что сделали наши сапёры после освобождения от врага священного клочка земли, срубили из свежего леса новую светёлку, и свет её проникает в душу каждого, кто приходит сюда поклониться и постоять в раздумье над колыбелью великой русской реки.

Подарок

Удивительно, но это так: первым, особенно близким человеком, которого я встретил на Тверской земле, оказался Пушкин. Сначала мне и самому это показалось странным, однако, поразмыслив, я пришёл к выводу, что нет ничего странного в соседстве двух великих: великой реки и великого человека.

«Много алмазных искр Пушкина, — писал Владимир Иванович Даль, — рассыпались тут и там в потёмках; иные уже угасли, и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известно в разных концах России: их надо бы снести в одно место».

На древней тверской земле искры Пушкина светятся и поныне. Более

того, они разгораются ещё ярче, оберегаемые руками благодарных потомков поэта, и ветер забвения не погасит их никогда. На этом «милом берегу», как называл здешние места Пушкин, о его впечатлениях и настроении может рассказать Городня и Старица, Курово-Покровское и Берново, Торжок и Мологино, Погорелое Городище и Никитское. Что ни название, то новая страница бурной жизни, что ни приезд сюда, то новый творческий порыв.

Двенадцатилетним мальчиком под присмотром дяди Василия Львовича Пушкин едет в Петербург поступать в Лицей и у деревни Городня Тверской губернии впервые встречается с великой русской рекой. Кто опровергнет, что именно здесь его посетило то самое озарение, которое позже продиктует ему волжские песни?

Если уж бродить по Тверской земле, то надо непременно заглянуть в Торжок, где Пушкин останавливался более двадцати раз и где он любил пообедать в трактире Пожарского. Здесь, в Торжке, поэт серьёзно увлекся сестрой своего приятеля Анной Олениной и посвятил ей прелестный цикл стихов: «Предчувствие», «Её глаза», «Ты и Вы», «Город пышный, город бедный...», «Я вас любил...».

Не худо бы походить и по окрестностям города, где, как и в самом Торжке, люди бережно охраняют всё, что связано с именем поэта. Надо бы зайти и на соседний погост Прутня и положить цветы на могилу Анны Керн, которой мы обязаны тем, что великий поэт подарил нам гимн любви «Я помню чудное мгновенье».

Свежесть чувств к Анне Керн мы ощущаем и ныне. Когда в один из холодных дней поздней осени я подошёл к знаменитой могиле, у надгробного камня, охваченного чугуной цепью, алело несколько гвоздик. Сердце так и обдало жаром: «Не от Пушкина ли?»

Вдохновило поэта на создание шедевра и Павловское, где он провёл около месяца осенью 1829 года, возвращаясь из Арзрума в Петербург. По-домашнему трогательные воспоминания Е.Е. Синицыной открывают нам поэта с интимной стороны в дни его пребывания в гостях у доброго Павла Ивановича Вульфа.

«...Александр Сергеевич был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении.

Вставал он поутру часов в 9–10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты,

иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича он за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро стал тот его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом...

Пушкин был очень красив: рот у него был очень прелестный с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза...».

Нам не дано проникнуть в душу поэта, и мы можем только догадываться, каким восторгом жизни он был охвачен, когда после гулянья по заснеженному парку в усадьбе Вульфов записал в своей тетради:

*Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный, –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры
Звездою севера явись!*

Большим грехом было бы не побывать в Бернове. И не только потому, что в этом обновлённом селе находится памятник Пушкину, музей поэта, гостиница «Парнас» и кафе «Русалка». В окрестностях села сохранился тот самый знаменитый омут, где, по местному преданию, утопилась несчастная дочь

берновского мельника, чья судьба, по всей видимости, отразилась в драме «Русалка».

Волга очаровывала Пушкина своей красотой не только на Тверской, но и на Нижегородской земле. Пребывание в селе Большое Болдино вылилось для него в подлинный праздник души, когда из-под его пера одно за другим выходили восхитительные произведения. Болдинская осень одарила поэта ещё и тем, чем он особенно дорожил и что весьма и весьма высоко ставил, — меткостью народной речи, свежестью крестьянского языка. Тут же, в Болдине, в одной из статей он и записал: «Изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка...». Подчеркнём слова: «для совершенного знания». К другому Пушкин стремиться и не мог. Совершенство в слоге, языке, мысли было пределом его мечтаний, и поэт постоянно шел к вершинам мастерства.

Язык народа Пушкин изучал всю жизнь и где бы ни бывал: на юге России, в Молдавии, в Псковской губернии, на Урале — всюду слушал сказки, собирал и записывал песни. Живя в Михайловском, он, как известно, переодевался в крестьянское платье, чтобы не смущать мужиков своим «господским обличьем», и отправлялся на деревенские ярмарки к Святогорскому монастырю, слушал слепцов, записывал песни и, до-

вольный, уносил с собой в усадьбу меткие словечки, пословицы и поговорки народа. Не засиживался он и в Болдине, особенно по базарным дням, когда можно было увидеть хоровод, послушать шутки-прибаутки и вообще окунуться в праздничное крестьянское веселье.

Пушкин, как утверждают исследователи, собрал и записал 61 народную песню, в том числе исторические, бытовые, обрядовые. Свой замысел — издать сборник народных песен — поэт по каким-то причинам не осуществил, но целую тетрадь записей передал известному собирателю фольклора П.В. Киреевскому.

Те, кто этим занимается, пытаются установить, где и от кого поэт слышал ту или иную песню, где и при каких обстоятельствах её записал. Кое-что в этом направлении сделано. Так, установлено, что плясовую

*Как у нас было на улице,
У нас на широкой:
Красны девки разыгрались,
Молодушки расплясались... —*

Пушкин записал у соседки по имени П.П. Кротковой.

Авторы книги «Предания и песни болдинской старины», вышедшей в Горьком в 1980 году 2-м изданием, утверждают, что свадебная песня «Сватушка», включённая Пушкиным в «Русалку» и найденная в его записях, бытовала в Болдине. А в 1968 году они услышали от болдинских песельниц шуточную песню про «тёщеньку», которая «сдобничала» да «пирожничала», так что «стал ей пирог во двенадцать рублей», а «зять подсел, он один пирог съел...». Такой же текст песни встречается и у Пушкина: «Тёща про зятюшку сдобничала, сдобничала да пирожничала...».

Жемчужины народной поэзии помогали Пушкину создавать свои собственные. Блестки народной поэзии рассыпаны и в «Капитанской дочке», и в «Истории Пугачёва», и в «Русалке». Не без влияния народных сказок появилась на свет

«Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о мёртвой царевне».

Но вернёмся на Тверскую землю, где Пушкин ещё мальчиком впервые встретился с Волгой. Скорее всего, именно здесь вошла она в память поэта, чтобы остаться в его книгах волжскими песнями.

Как промолвит грозен

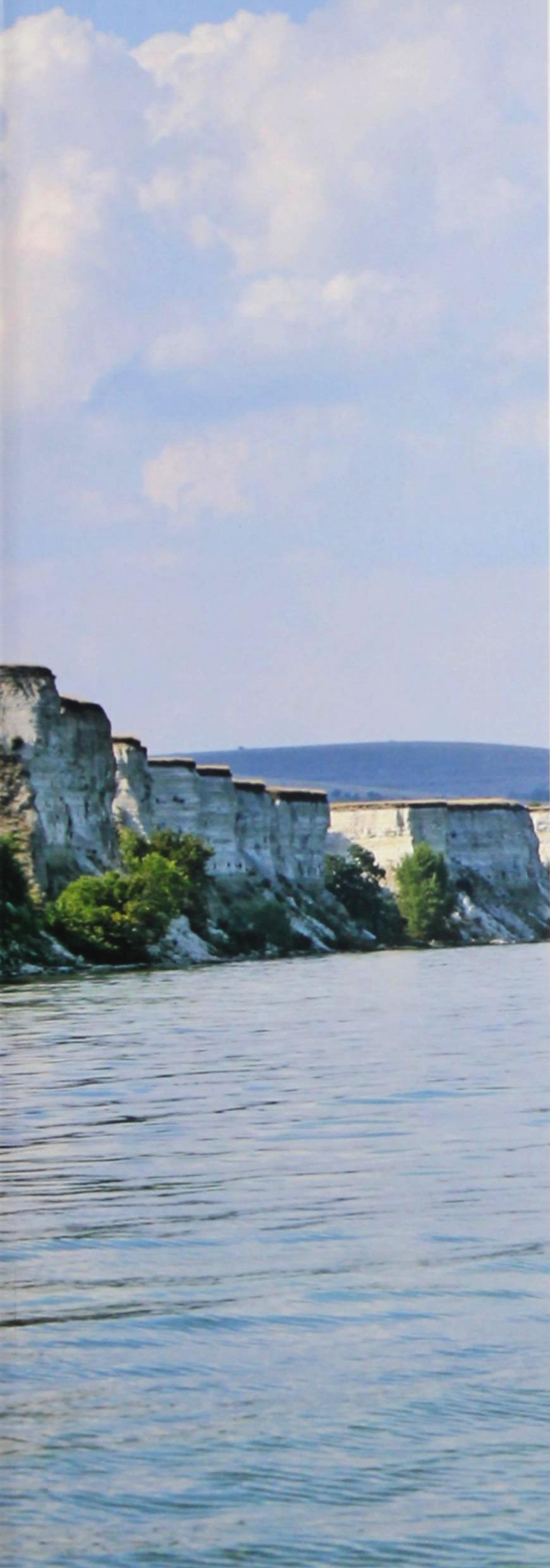
Стенька Разин:

*«Ой ты гой еси, Волга, мать
родная!*

*С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волнующую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казачков моих добром наделила...»*

Удалше – вдоль да по реке...

*Снова город Калинин
Превращается в Тверь
И на древней равнине
Открывает нам дверь.*

*Входим с доброю речью.
Созерцаем, глядим,
А над Волгой навстречу –
К нам знакомый один.*

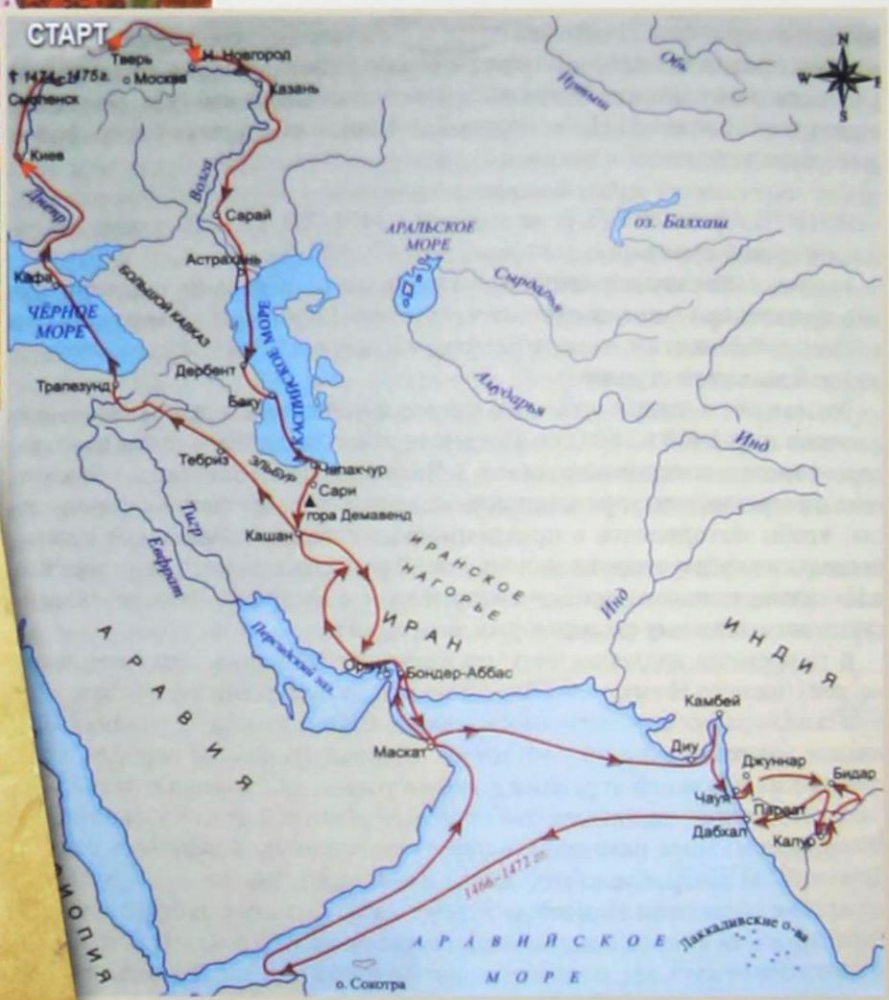

Это — Афанасий Никитин. Знакомый по школьным книжкам и учебникам истории, по кинофильмам и календарям, по научным исследованиям и описанию собственного путешествия «Хождение за три моря». Он стоит над Волгой, кажется, не на пьедестале, а на полусказочной, полуреальной ладье, исполненной лебединых линий, изукрашенной таким искусным орнаментом, который сродни разве лишь работам тверских золотошвей. Он стоит над Волгой в полный рост, и во всей его крепкой и ладной фигуре, в курчавой бороде, во взгляде, устремлённом вдаль, — уверенность, благородство, готовность к новому историческому шагу во славу земли отчей. Именно такой человек и мог первым из русских сходить за три моря в Индию и раньше Васко да Гамы описать далёкую загадочную страну. Именно такой и мог заронить в сердца своих

далёких и близких предков страсть к путешествиям. Афанасий Никитин в «Хождении за три моря» навсегда оставил гордые слова: «Се написах свое хождение за три моря: первое море Дербентское — доря Хвалынская, второе море Индийское — доря Гундустанская, третье море — Чёрное — доря Стамбульская... Авсех лучше земля наша Русская...» И ещё: «Да сохранит бог Русскую землю!.. На этом свете нет страны, подобной ей, да устроится Русская земля!..».

Замаптавоу стухъ ѿ ѿнашии гниеху снѣжнѣи...
 полнѣишѣи рахасвое готрѣишаго.
 а фанасѣи микитини маина...
 а маина сѣи гниеху снѣжнѣи...
 море, первое море, ерменское, ора
 хвалынская, второе море, индийское,
 горгондустанская, третье
 море, черное, доря стамбульская...
 Пондохъ вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...
 маина вѣстѣи сѣи маина...

Если дать волю воображению и попытаться соединить вещи, на первый взгляд несоединимые, то в один день в Твери мы сможем увидеть представителей разных эпох. Можно попроситься, например, на приём к тверскому вице-губернатору, и он, несомненно, примет нас как человек столь же образованный, сколь и чуткий, и у которого, кажется, нет другой заботы, кроме заботы о тех, кто к нему идёт за помощью и поддержкой. Впрочем, есть у него и ещё одна забота — забота о русской литературе. Ведь вице-губернатор — это великий сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин.

Хорошо бы по пути к нему встретить знаменитого драматурга А.Н. Островского, изучающего Тверскую губернию по поручению морского министерства. Может попасться на глаза и тот мальчик, в ком пусть и с трудом, но мы угадаем будущего великого русского баснописца И.А. Крылова, чье детство, как известно, прошло в Твери. Кстати было бы заглянуть в Остроч-монастырь, где двадцать шестой год кряду пребывает в заточении ученик Савонаролы Максим Грек. Князь Василий Иванович в 1515 году пригласил Грека в Москву, но того обвинили в связях с врагами России и бросили в тверскую темницу. Не будем вдаваться в подробности драматического события, отдадим должное Максиму Греку и скажем ему спасибо за то, что в истории русской культуры он был первым переводчиком, соединившим старую русскую письменность с западной наукой.

Коль скоро речь зашла о книге, о книге современной, войдём под своды местного полиграфического комбината. Вообразим на минутку, что человечество вообще лишено такого чуда, каким является книга. Свет знания померк, вокруг тьма невежества. Жалок и беспомощен человек, блуждающий в этой непроглядной тьме. Мы не знаем «Илиады» и «Одиссеи», понятия не имеем о философских трактатах древних, за пределами наших более

чем скудных знаний находится гармоничный мир Пушкина, в нашей духовной жизни нет ни Наташи Ростовской, ни князя Андрея Болконского, ни Григория Мелехова, ни Аксины, ни профессора Вихрова, ни Василия Тёркина. В дебрях незнания и бездуховности мы были бы беспомощны и слепы. Не случайно человечество на протяжении веков делилось на поборников света и разума и на защитников мракобесия. Если Горький говорил, что книга — наиболее великое чудо из всех чудес, сотворённых человечеством на пути к счастью, то фашистские изуверы сжигали книги на площадях Европы. Если Герцен утверждал, что книги — это духовное завещание одного поколения другому, то гитлеровские головорезы сжигали книги на кострах так же хладнокровно, как хладнокровно убивали они стариков и детей.

Но никакие издевательства и пытки, чинимые над книгами, не могли прервать их жизнь, ибо духовный опыт человечества, запечатлённый в слове, бессмертен.

Город Тверь следует упомянуть ещё и в связи с тем, что, по существу, отсюда начинается судоходство по Волге. Там, на самом верху, начиная от живого лесного родничка, река какое-то время тянется цепью больших и малых озёр. Там можно увидеть одинокую лодку рыбака или быструю, легко скользящую по водной глади байдарку с фигурой

загорелого отпускника. Там заповедная тишина ещё не нарушается гудками буксиров и теплоходов.

У города Ржева встретится первый пассажирский катер. Ниже появятся теплоходы местной линии, суда грузовой службы. В Твери первая большая пристань, первый крупный речной порт. Здесь вы и почувствуете рабочее дыхание большой реки.

Прощаясь с городом, я всё же хочу ещё немного постоять у памятника Афанасию Никитину и ещё раз взглянуть в благородное, волевое лицо одного из первых русских землепроходцев, открывшего нам дорогу по Волге. С его лёгкой руки и нам не покажется трудным наш дальнейший путь.

121942 - 2

ТБУК «Межпоселенческая
центральная библиотека
Тазовского муниципального
района»

«Такая уж здесь сторона»...

О деревне Ивановьково, откуда началась Большая Волга и где теперь город мирного атома, прежде в справочниках и энциклопедиях не писали. Окрестные места тоже ничем особенным в старой России не славились. Самым близким к Ивановькову городом была Корчева.

Что за город? Вот что сказано о нём в книге, изданной перед революцией: «На правом берегу Волги расположен город Корчева, наилучший во всей губернии. Слишком захудалый провинциальный городок, больше даже похожий на село. Замечательного в нём ничего нет».

Корчеву упоминал Салтыков-Щедрин. Нельзя сказать, чтобы с большой похвалой: «Какое может осуществиться в Корчеве предприятие? Что в Корчеве родится? Морковь? — так и та потому только

уродилась, что сеяли свеклу, а посеяли бы морковь — наверняка уродился бы хрен. Такая уж здесь сторона», — заключает великий сатирик.

Эту сторону он знал прекрасно. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин родился в селе Спас-Угол. От него, если считать по прямой, до бывшего Ивановькова и сотни километров не наберётся.

На канале имени Москвы есть небольшая пристань Витинёво. Там была некогда усадьба писателя. От неё сохранился лишь уголок парка. Салтыков-Щедрин вспоминал, как его «объегорили» при покупке этой усадьбы. Богобоязненный старичок, прежний её владелец, ухитрился выдать чужой лес за свой, а ветхие стенки сараев ловко замаскировал сеном.

Такая уж здесь сторона!

Дар Валдая

*Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.*

Это из известной народной песни. Её литературная основа — часть стихотворения Ф. Глинки «Сон русского на чужбине».

А вот другая народная песня, тоже имеющая литературное происхождение:

*Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой...*

Итак, тройка удалая, Волга-матушка и колокольчик, дар Валдая. Не случайно объединились они в песнях, столь любимых народом. Волга зимой становилась надёжной дорогой. На тройках ямщики возили не только почту, но и свою любовь, и свою тоску. А без колокольчика под дугой какая же это езда? Не зря в народе говорилось: «Звенит — потешает, ездить поспешает», «Купи — не скупись, ездить — веселиться», «Звону много — веселей дорога». Такие надписи отливались на самих колокольчиках.

Откуда же на Руси взялись эти весёлые и грустные, унылые и озорные, или, как их ещё называли, поддужные, колокольчики?

В одном исследовании читаем: «Колокольчики отливались из того же бронзового сплава, что и большие колокола, имели ту же форму,

но были невелики по размерам: их высота и диаметр (кстати, примерно равные друг другу) лежали в пределах от четырёх до шестнадцати сантиметров. Оттого и голос у них был высокий, тонкий. Подвешивались они под дугой коренника; на шею пристяжных лошадей иногда дополнительно надевалась сбруя с бубенцами».

Поддужные колокольчики предназначались в основном для почтовых и курьерских троек. Ездили с ними и частные владельцы, что, между прочим, официальными властями не одобрялось. В 1836 году вышло постановление Сената, достойное того, чтобы его здесь процитировать. Вот о чём, в частности, говорилось в постановлении: «Воспретить употребление колокольчиков всем тем, которые едут на собственных или вольнонаёмных лошадях, предоставив оные одной почтовой гоньбе и чиновникам земской полиции, едущим по обязанности службы».

Предшественником колокольчика на почтовых трактах был рожок, но он среди ямщиков так и не прижился. По словам Адама Олеария, немецкого дипломата, не раз посещавшего Россию в первой половине XVII столетия, у каждого ямщика был рожок из бычьего рога. Однако ямщики, подъезжая к станции, закладывали два пальца в рот и вызывали смену свистом.

Свист, хотя начальством он тоже не одобрялся, был далеко слышен, да и лошади под молодецкой по-свист бежали веселей. В общем, рожок остался символом почтовой гоньбы, а его место прочно занял колокольчик.

История свидетельствует, что литьём поддужных колокольчиков занимались мастера и в Рязани, и в Тюмени, и в Касимове, и в Павлове, и в Пурехе, что лежит на Верхней Волге, но родиной считается село Валдай. Отсюда и понятие: дар Валдая. Известны и первые валдайские мастера: Филипп Терской и Алексей Смирнов. И год первых датированных колокольчиков — 1802-й.

Особого расцвета «звонкий» промысел достиг в пушкинскую эпоху, когда на Валдае действовали три колокольных завода и множество мастерских по изготовлению поддужных колокольчиков. Отлитый из бронзы «весельчак» полюбился не только ямщикам и не только за то, что он оповещал своим звоном о приближении почтовой тройки. Он полюбился ещё и за то, что предсказывал

Содержание

С любовью	5	Прямо к жёлтому песочку	140
Судьбы и века	6	Казань	141
Над колыбелью	14	Ра, Итиль, Атиль	149
Подарок	19	Гумбольдт на сабантуе	149
И дальше — вдоль да по речке...	29	На семи ветрах	150
«Такая уж здесь сторона»...	35	Антоновка	150
Дар Валдая	36	На зелёной стоянке	152
Единственная в своём роде	39	Жигули, мои вы Жигули	155
Рыбинск	40	Каменный молодец	165
Карабиха	43	Булат Пугачёва	166
Ярославль	48	Самара	167
Золотое кольцо	53	«Ужасно хочется парохода»	168
Три Волги	58	Соловьиный рассвет	169
Слово о «Слове»	59	Саратов	171
Английское полотно из Ярославля	62	Город волжской судьбы	173
Лёгкая, как дым, жаркая, как пламя	63	Времена меняются, память остаётся	185
В такой обуви — куда угодно	64	Поездка на Утёс	188
Великий лицедей	67	Звенья золотой цепи	195
«Я люблю Россию до боли сердечной»	71	Гадание	197
Ярилина поляна	72	С колокольчиками	199
Кострома	78	Минута молчания	204
Бурлаки	82	Они не прошли	211
Мастера	86	Экскурсия	212
Нижний Новгород	92	Поездка в Царёв	214
Онегин в Нижнем	93	Белый хлеб с мёдом	215
Свежие ветра Плёса	98	Бестер и его родственники	217
«Вдоль да по речке...»	105	«Российская солонка»	218
Времена года	117	Река играет	218
Песня солнышку	122	Астрахань	222
Воспоминания о сапогах	125	Там, где Волга сливается с морем	223
Храмы науки	128	И снова Пушкин	233
«Эй, ухнем!»	130	Страшный сон и дерзкая мечта	235
Ярмарки	132	Прощание	237

Иллюстративно-краеведческое издание

Николай Егорович Палькин

Отразилась в Волге вся Россия

Редактор Л. Сабурова

Художник А. Кузнецов

Компьютерная вёрстка А. Кузнецов

Корректор Т. Митюшкина

Подписано в печать 30. 12. 2011 г. Формат 84x100 1/16.

Бумага мелованная, 115 г. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 22, 67. Усл. печ. л. 20,84.

Тираж 1000 экз. Заказ № 897.

ООО «Приволжское издательство». 410012, г. Саратов, ул. Киселёва, 65-е.

ООО «РИДО». 603074, г. Нижний Новгород, ул. Шаляпина, 2а.

944-44

О своём творчестве сам поэт, автор новой книги, однажды сказал:

*Природа, женщина, Россия –
Три образа, как три коня,
Без понуканья и насилья
Через года несут меня...*

В признании поэта тогда не уместилась ещё одна важная, быть может, самая главная тема — тема Волги.

В разные годы к читателям приходили стихи Николая Палькина о Волге, песни о Волге. Широко звучала "Поэма о Волге".

Четверть века назад в издательстве "Молодая гвардия" наряду с книгами Семёна Гейченко "Пушкиногорье", Ильи Толстого "Свет Ясной Поляны" и другими в серии "Отечество" вышла книга Н. Палькина "О, Волга!", ставшая для многих настольной.

С тех пор многое изменилось и в жизни России, и в жизни великой реки.

Сегодня автор представляет обновлённый вариант своего повествования, обогащённый фотохудожником Александром Мирошниченко.